

УДК 575.17:599:9

**М.Б. Лавряшина¹, М.В. Ульянова¹, И.В. Октябрьская², В.В. Николаев²,
Т.А. Толочко¹, В.Г. Дружинин¹**

¹Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия
E-mail: lmb2001@mail.ru

²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: siem405@yandex.ru

ДИНАМИКА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ (ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)*

Статья посвящена определению этнодемографических характеристик тюркских коренных народов Саяно-Алтайского региона: в динамике рассматриваются структура браков, этническая брачная ассортативность и уровень метисации у кумандинцев Алтайского края, шорцев Кемеровской обл., алтай-кижи, кумандинцев, теленгитов, тубаларов, челканцев Республики Алтай и хакасов – качинцев, койбалов, кызыльцев, сагайцев – Республики Хакасии. Выявлены временные и территориальные различия на уровне межэтнического смешения внутри избранных сообществ. Показано, что за 1940–2009 гг. практически во всех исследованных сообществах, за исключением южных алтайцев и хакасов-сагайцев, частота однонациональных браков снизилась при росте числа межэтнических браков. Отмечены особенности межэтнического смешения: браки с пришлым (русскоязычным) населением преобладают у северных алтайцев (кумандинцев, тубаларов, челканцев), хакасов-кызыльцев и шорцев горно-таежной зоны Кемеровской обл.; браки с другими коренными народами Южной Сибири распространены у хакасов-койбалов, хакасов-качинцев и абаканских шорцев. Эти тенденции формируют перспективы в развитии этнодемографической ситуации в Саяно-Алтайском регионе.

Ключевые слова: коренные народы, алтайцы, хакасы, шорцы, брачная структура, брачная ассортативность, метисация, межэтнические контакты в трех поколениях (1940-х, 1970-х, 2000-х гг.).

Введение

В 1990–2000-х гг. в России формировалась административно-правовая база, регламентирующая сегодня этнополитические и этносоциальные процессы в стране в целом и ее отдельных регионах, в частности, на территориях проживания коренных народов. Условием эффективного прогнозирования состояния и развития аборигенного населения стало изучение

различных факторов, определяющих качество человеческого потенциала и прежде всего формирующих демографическую ситуацию.

С 1990-х гг. при изучении народонаселения сибирских регионов предметом анализа являются: общая и генетически эффективная численность отдельных народов, их половозрастная структура, рождаемость, смертность, репродуктивный состав, миграционная активность и др. Традиционно большое внимание уделяется анализу брачной структуры коренных народов. Этой теме был посвящен широкий круг работ [Боева, Зубри, Мурашко, 1981; Абанина,

*Работа выполнена при поддержке грантов: РГНФ № 12-16-42006а(р) и РГНФ № 11-21-17002.

1982; Казаченко, 1986; Кривоногов, 1998; Гольцова, Абанина, 2000; Октябрьская и др., 2004; Кучер и др., 2004; Кучер, Тадинова, Пузырев, 2005; Баранцева, 2008; Волжанина, 2010; Еремина, Кучер, 2010; Ульянова, 2010; Николаев, 2012; и др.], в которых отмечается усиление тенденции метисации в среде коренного населения в XIX–XX вв. Неоднократно эта тема рассматривалась на материалах Саяно-Алтайского региона.

Тюркоязычные народы Саяно-Алтая представляют собой родственные в лингвистическом, этногенетическом и этнокультурном аспектах сообщества, становление которых происходило в период средневековья в ходе взаимодействия центрально-азиатского, угро-самодийского и енисейского миров. Алтайцы, хакасы, шорцы, теленгиты, кумандинцы, тубалары и челканцы формировались (при этом неоднократно меняли свой этнополитический статус) в рамках административно-политического структурирования и социокультурного преобразования сибирских провинций Российского государства XVII–XX вв.

Поначалу спонтанная, затем целенаправленная внутренняя (сословно-инородческая) политика особенно активно влияла на ход этнических процессов в регионе после его официального вхождения в состав России в XVIII в. Принятый в 1822 г. «Устав об управлении инородцев» М.М. Сперанского, опираясь на сложившиеся традиции в управлении территориями и коренными народами, кодифицировал их особый статус в качестве сословия инородцев. Система деления коренных жителей на оседлых и кочевых с признанием их права на собственный образ жизни и внутреннее устройство нашла выражение в сложной структуре управления Саяно-Алтайского региона с выделением степных дум на территории Енисейского края, семи алтайских дючин* и двух Чуйских вол. в границах Центрального и Южного Алтая, инородческих волостей в Северном Алтае и Кузнецком крае. Реорганизация этой системы началась в конце XIX в. и была ориентирована на унификацию административно-политического устройства.

Административно-территориальные и политические преобразования XX в. закрепили изменения на этнической карте Южной Сибири. Локализация этнических сообществ в административных границах

волости, округа, уезда (часто в иноэтничном окружении), а затем автономной области (района), позже республики интенсифицировало их консолидацию с параллельно происходящими процессами модернизации и изменения качественных (в т.ч. демографических) характеристик.

До конца XIX в. родовые подразделения алтай-кижи были объединены в дючины, теленгиты составляли население 1-й и 2-й Чуйских вол. Эти территории входили в состав Бийского окр. Томской губ. Алтайцы в переписи 1897 г. учитывались как «татары или калмыки Бийского уезда» (26 084 чел.). В официальной статистике фигурировала «алтайская группа томских тюрков» [Патканов, 1911, с. 65]. Согласно данным переписи 1897 г., теленгиты учитывались как «татары» и «урянхайцы».

По отношению к кочевникам Южного и Центрального Алтая, благодаря научным изысканиям В. Радлова, В. Вербицкого и других исследователей второй половины XIX в., стал использоваться термин «южные алтайцы». «Северными алтайцами» называли коренное население предгорий Северного Алтая. Этнонимы «кумандинцы», «тубалары» и «челканцы» активно использовались и в литературе, и в документообороте XIX в., что отражало понимание границ проживания, а также языкового культурного своеобразия (комплексная промысловая экономика с элементами земледелия и проч.) «северных алтайцев». Территория предгорий Алтая являлась зоной активной крестьянской колонизации и христианизации, что определяло особенности развития ее коренного населения.

В 1897 г. жители Северного Алтая учитывались как «татары Бийского уезда». В документообороте фигурировали также термины «кумандинские татары» (с учетом «быстрянцев»), «лебединские татары», «черневые татары». В конце XIX в. общая численность аборигенного населения предгорий (расселенного в пределах Быстрянкой, Верхне- и Нижне-Кумандинской, Кондомо-Итиберской, Кондомо-Елейской, Тогульской 2-й половины и Тагапской 2-й инородческих волостей, а также Сростинской и Яминской крестьянских волостей), видимо, превосходила 15–16 тыс. чел., а этнические границы между кумандинцами, тубаларами, челканцами и шорцами были расплывчаты [Николаев, 2012].

«Этническое строительство» в границах Саяно-Алтая, активно развивавшееся в XIX в., продолжилось в рамках советских административно-политических преобразований. Национальная политика в 1920-е гг. предполагала выделение автономных народов: алтайцев, кумандинцев, черневых татар (тубаларов), челканцев, хакасов, шорцев и др., включенных в перечень народов СССР при проведении переписи 1926 г.

*Дючина – административная единица у алтайцев в XIX – начале XX в., характеризовалась отсутствием четкой территориальной привязки. В начале XIX в. каждый многочисленный алтайский сеок представлял самостоятельную дючину и включал несколько малочисленных сеоков. Основу 1-й дючины составлял сеок мундус, 2-й – кыпчак, 3-й и 5-й – тодош, 4-й – иржит. В 6-ю дючину, образованную в 1804 г., входили телёсы. В 1823 г. была образована 7-я дючина майманов.

В ходе советской реструктуризации с образованием Ойратской (1922 г.) / Горно-Алтайской автономной области (1948 г.) этноним «алтайцы» приобрел обобщенный характер. Однако тенденции общеалтайской консолидации не стали определяющими. В 1991 г. была провозглашена Горно-Алтайская ССР, в 1992 г. – Республика Горный Алтай, в 1993 г. – Республика Алтай. В 2000 г. статус коренных малочисленных народов Сибири юридически был признан за кумандинцами, тубаларами, челканцами, теленгитами. Перепись 2002 г. (впервые после 1926 г.) учитывала отдельно кумандинцев (3 114 чел.), телеутов (2 650 чел.), теленгитов (2 399 чел.), тубаларов (1 565 чел.), челканцев (855 чел.). С ними численность алтайцев достигала 77 822 чел. [Всероссийская перепись...].

При переписи 2010 г. в состав алтайцев вновь были включены теленгиты (3 712 чел.), тубалары (1 965 чел.), челканцы (1 181 чел.), собственно алтайцы (67 380 чел.) и отдельно выделены кумандинцы (2 892 чел., проживающие преимущественно в границах Алтайского края) и телеуты (2 643 чел., проживающие преимущественно в границах Кемеровской обл.). Согласно материалам последней переписи, общая численность алтайцев в РФ составляла 74 238 чел., теленгитов – 3 712, кумандинцев – 2 892, тубаларов – 1 965, челканцев – 1 181 чел. Среди населения Республики Алтай, численность которого достигала 206 168 чел., алтайцев (включая тубаларов, челканцев и теленгитов) было 68 814 чел. [Итоги Всероссийской переписи...].

В XIX в. территория современной Хакасии относилась к Енисейской губ. и делилась на степные думы: Качинскую, Койбальскую, Сагайскую Минусинского окр. и Кызыльскую Ачинского окр., в границах которых проживали этнические сообщества качинцев, сагайцев, бельтиров, койбалов, кызыльцев. В 1858 г. территория Койбальской степной думы вошла в состав Сагайской. В 1864 г. зону качинцев выделили в самостоятельную Абаканскую инородную управу. В 1893 г. Сагайскую и Кызыльскую степные думы преобразовали в Аскизскую и Кызыльскую инородные управы. В переписи 1897 г. учитывались «качинцы», «кизильцы», «бельтиры», «сагайцы» и другие группы, позднее объединенные в составе хакасов; их совокупная численность составляла 41 229 чел. [Москаленко, 2004]. На протяжении XIX в. происходила консолидация этих групп в единый народ с сохранением субэтнической идентичности. До конца XIX – начала XX в. в документах и литературе для коренного населения региона использовались также наименования «минусинские, абаканские, ачинские татары».

В апреле 1917 г. состоялся съезд автохтонного населения Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губ. и Кузнецкого окр. Томской губ., который

утвердил самоназвание «хакасы» (по китайскому названию енисейских кыргызов в VII–X вв.). Это предопределило становление регионального тюркского сообщества. В ходе советской реструктуризации в 1930 г. была образована Хакасская АО, преобразованная в 1991 г. в Хакасскую ССР, а в 1992 г. – в Республику Хакасия. Согласно материалам переписи 2010 г., в РФ насчитывалось 72 959 хакасов, в Республике Хакасии, общая численность населения которой составляла 532 403 чел., хакасами себя назвали 63 643 чел., или 12,1 % народонаселения (в 1939 г. – 16,8 %) [Итоги Всероссийской переписи...].

Этноним «шорцы» был предложен В.В. Радловым в 1861 г. для обозначения коренного населения горно-таежных районов Кузнецкого края по крупным родам ак-шор, кара-шор, сары-шор. В переписи 1897 г. оно учитывалось как «татары Бийского уезда» и составляло 11 674 чел. В 1926–1939 гг. существовал Горно-Шорский национальный район. После его ликвидации шорцы сохраняли свою этническую (языковую и культурную) обособленность, они проживали в плотном иноэтничном окружении в границах Кемеровской обл. главным образом в пределах горно-таежной зоны. Этноним «шорцы» стал активно использоваться в качестве обобщенного самоназвания целостного народа во второй половине XX в. По данным Всероссийской переписи 2010 г., общая численность шорцев составила 12 888 чел., в границах Кемеровской обл. – 10 672, при общей численности населения области 2 763 135 чел. [Там же].

На современном этапе для всех коренных народов Саяно-Алтайского региона характерны различные формы межэтнических взаимодействий, в т.ч. метисации. Причины различий обусловлены динамикой генетико-демографических процессов, особенностями расселения и административно-политического устройства, исторической практикой межэтнических коммуникаций, характером современных межкультурных взаимодействий и т.д.

В данном исследовании использованы два подхода к изучению брачной структуры и интенсивности метисации коренных тюркоязычных народов Саяно-Алтая. Первый – это анализ территориальных различий внутри сообществ: алтай-кижи (куладинская и онгудайская группы), теленгитов (улаганская и кош-агачская группы), кумандинцев (красногорские, солтонские и турочакские), тубаларов (артыбашские, кебезенские и ыныргинские), хакасов-качинцев (бейские, орджоникидзевские и ширинские), хакасов-сагайцев (аскизские и таштыпские), шорцев (матурские, кызыл-шорские, усть-анзасские и усть-кабырзинские), основанный на сведениях похозяйственных книг. Частота одно- и межнациональных браков анализировалась в трех поколениях – 1940-х, 1970-х, 2000-х гг. Уровень межэтнического смеше-

ния определялся показателем интенсивности метисации (t^*) [Gavalli-Sforza, Bodmer, 1971], позволяющим прогнозировать число поколений, в ходе смены которых популяция достигнет определенного уровня смешения (M), при условии сохранения современного уровня межэтнических браков. Второй подход предусматривал проведение анализа межэтнических различий: сравнение ситуации в среде алтай-кижи, теленгитов, кумандинцев, тубаларов и челканцев, этнолокальных групп хакасов (качинцев, койбалов, кызыльцев и сагайцев) и шорцев (абаканских шорцев, шорцев горно-таежной зоны Кемеровской обл.). Источниковой базой служили данные архивов районных отделов ЗАГС о заключении браков. Как и при анализе территориальных особенностей, этническая специфика брачной структуры коренных обитателей Саяно-Алтая изучалась в трех поколениях – 1940-х, 1970-х, 2000-х гг. Интенсивность и характер смешения оценивались через частоту одно- и межэтнических браков. Выделяли два типа смешения: браки коренных народов Саяно-Алтая с пришлым населением (тип 1) и браки между представителями разных коренных народов (тип 2). Уровень межэтнического смешения определялся показателем этнической брачной ассортативности (A') [Курбатова, Победоносцева, 1996], который характеризует предпочтение в выборе брачного партнера определенной этнической принадлежности.

Территориальные особенности брачной структуры и темпов метисации

По характеру демографических процессов выделяются коренные тюркоязычные сообщества северных предгорий Алтая. Современный ареал кумандинцев расположен на юго-востоке Алтайского края и на северо-западе Республики Алтай. Кумандинские села находятся вверх по течению р. Катунь (Красногорский р-н Алтайского края), ниже впадения р. Лебеди в р. Бий (Солтонский р-н Алтайского края), и в междуречье Бии и Катунь (Турочакский р-н Республики Алтай). Обследованием были охвачены все вышеобозначенные территории. При изучении архивов Красногорской, Калташинской, Усть-Кажинской и Новозыковской сельских администраций (далее с/а) Красногорского р-на Алтайского края, Нижне-Ненинской, Солтонской, Сузопской и Кумандинской с/а Солтонского р-на Алтайского края, Арты-

башской, Кебезенской, Тондошенской и Турочакской с/а Турочакского р-на Республики Алтай скопированы 4 943 записи (1 712, 1 828, 1 403 соответственно для трех районов), содержащие сведения о кумандинских семьях.

Исследованием прослежены в динамике (1940–2009 гг.) общие тенденции брачной структуры кумандинцев солтонской, красногорской и турочакской локальных популяций. Выявлены однонаправленное снижение частоты однонациональных браков и увеличение частоты межэтнических браков кумандинцев с представителями иных этнических групп. Было установлено, что распространенность межэтнических браков и темпы метисации у кумандинцев трех изученных территорий различны (табл. 1).

Среди кумандинцев Алтайского края на протяжении всего изученного периода частота однонациональных браков в группе Красногорского р-на оказалась несколько выше, чем в группе соседнего Солтонского р-на. Выявленные различия определяются особенностями локализации популяций в границах районов, ставших зонами русской колонизации, направленностью миграционных потоков, характером транспортной и экономической инфраструктуры.

У кумандинцев Турочакского р-на Республики Алтай уровень межэтнических браков значительно выше, чем у кумандинцев Алтайского края. В поколениях 1940-х и 1970-х гг. в этой группе частота межэтнических браков статистически достоверно превышала таковую в группах красногорских и солтонских кумандинцев: поколения 1940-х гг. – $T = 5,98$ и $5,37$; $p < 0,001$; 1970-х гг. – $T = 9,19$ и $8,60$; $p < 0,001$. Значимые различия зарегистрированы и в поколении 2000-х гг. красногорской и турочакской кумандинских популяций ($T = 2,38$; $p < 0,05$). Высокий уровень межэтнического смешения турочакских кумандинцев обусловлен, вероятно, дисперсностью их расселения в полиэтнических селах Северного Алтая среди близких в генетическом, лингвистическом и этнокультурном плане коренных малочисленных народов – тубаларов и челканцев.

Современный ареал тубаларов находится в северо-восточной части Республики Алтай, в селах Чойского и Турочакского р-нов (по левобережью Бии, по рекам Большая Иша, Малая Иша, Сары-Кокша, Кара-Кокша, Пыжа, Уймень, по северо-западному побережью Телецкого оз. и прилегающим к ним территориям). При изучении архивов Артыбашской, Кебезенской и Турочакской с/а Турочакского р-на, Ыныргинской с/а Чойского р-на Республики Алтай были скопированы 5 140 записей (354, 2 559, 1 650 и 577 соответственно), содержащих сведения о тубаларах и членах их семей.

У тубаларов, как и у кумандинцев, в 1940–2009 гг. частота однонациональных браков снизилась, а меж-

$$*t = \frac{\log(1-M)}{\log(1-m)}, \text{ где } t - \text{число поколений, } M - \text{уровень}$$

смешения ($M = 50$ и 90%), m – интенсивность генного обмена.

Таблица 1. Структура браков и интенсивность метисации в локальных популяциях кумандинцев и тубаларов*

Народ	Локальная популяция	Поколение	Число браков	Браки, %		t, 50 %
				моноэтнические	межэтнические**	
Кумандинцы	1. Красногорская	1940-х	98	89,80 ± 3,18	11,20 ± 3,18 ³	5,8
		1970-х	83	77,11 ± 4,61	22,89 ± 4,61 ³	2,7
		2000-х	99	31,32 ± 4,66	68,68 ± 4,66 ³	0,6
	2. Солтонская	1940-х	71	87,32 ± 3,95	12,68 ± 3,95 ³	5,1
		1970-х	122	61,48 ± 4,13	29,52 ± 4,13 ³	2,0
		2000-х	140	25,0 ± 3,66	75,0 ± 3,66	0,5
	3. Турочакская	1940-х	89	52,81 ± 5,29	48,19 ± 5,29 ^{1, 2}	1,1
		1970-х	101	20,79 ± 4,03	79,21 ± 4,03 ^{1, 2}	0,8
		2000-х	74	16,22 ± 4,28	83,78 ± 4,28 ¹	0,8
Тубалары	4. Артыбашская	1940-х	–	–	–	–
		1970-х	–	–	–	–
		2000-х	72	31,94 ± 5,49	68,06 ± 5,49	0,6
	5. Кебезенская	1940-х	175	84,57 ± 2,73	15,43 ± 2,73	4,1
		1970-х	153	71,24 ± 3,66	28,76 ± 3,66 ⁶	2,0
		2000-х	129	43,41 ± 4,36	56,59 ± 4,36 ⁶	0,8
	6. Ыныргинская	1940-х	12	83,33 ± 10,76	16,67 ± 10,76	3,8
		1970-х	45	37,78 ± 7,23	62,22 ± 7,23 ⁵	0,7
		2000-х	65	26,15 ± 5,45	73,85 ± 5,45 ⁵	0,5

*По данным похозяйственных книг.

**Здесь и в табл. 2–5 индекс показывает наличие статистически значимых различий (Т-критерий) между локальными популяциями и соответствует порядковому номеру конкретной популяции.

этнических – увеличилась. Статистически значимые различия отмечены между локальными популяциями кебезенских и ыныргинских тубаларов при сравнении поколений 1970-х и 2000-х гг. Уровень межэтнических браков у тубаларов Ыныргинской с/а Чойского р-на оказался в 2 раза выше, чем у тубаларов Кебезенской с/а Турочакского р-на: 1970-е гг. – $T = 4,13$; $p < 0,01$; 2000-е гг. – $T = 2,47$; $p < 0,05$. Выявленные различия в темпах межэтнического смешения кебезенских и ыныргинских тубаларов объясняются, по всей видимости, разной долей коренного населения в структуре локальных сообществ (8,2 % Чойском р-не и 20,9 % в Турочакском [Макошева, Макошев, Апенешева, 2006, с. 19]).

Что касается тубаларов Артыбашской с/а Турочакского р-на, то в поколении 2000-х гг. по уровню межэтнических браков они заняли промежуточное положение между ыныргинскими и кебезенскими тубаларами. Территория Артыбашской с/а находится в рекреационной зоне вблизи Телецкого оз. Активное

развитие туризма делает ее экономически привлекательной и стимулирует приток мигрантов из других районов Республики Алтай и различных регионов РФ (Новосибирская, Московская обл. и др.).

Для локальных популяций алтай-кижи характерны различия по уровню межэтнического смешения и показателям метисации (табл. 2). Современный ареал алтай-кижи расположен в центральной части Республики Алтай, в Усть-Канском, Усть-Коксинском и Онгудайском р-нах. При тотальном изучении архивов Куладинской и Онгудайской с/а Онгудайского р-на Республики Алтай были скопированы 6 400 записей (3 072 и 3 328 соответственно), содержащих сведения о семьях алтай-кижи. Для моноэтнической Куладинской с/а 1970-х и 2000-х гг. частота однонациональных браков и величина показателя индекса метисации (t) у алтай-кижи (табл. 2) ниже, чем для полиэтнической Онгудайской с/а того же района: 1970-е гг. – $T = 5,59$; $p > 0,001$; 2000-е гг. – $T = 4,19$; $p > 0,001$. Отметим, что полученные в ходе настоящего исследования показа-

Таблица 2. Структура браков и интенсивность метисации в локальных популяциях алтай-кижи* и теленгитов**

Народ	Локальная популяция	Поколение	Число браков	Браки, %		t, 50 %
				моноэтнические	межэтнические	
Алтай-кижи	1. Куладинская	1940-х	117	96,58 ± 1,68	3,42 ± 1,68	19,9
		1970-х	146	99,32 ± 0,68	0,68 ± 0,68 ²	101,6
		2000-х	276	96,01 ± 1,17	3,89 ± 1,17 ²	17,4
	2. Онгудайская	1940-х	227	96,92 ± 1,15	3,08 ± 1,15	22,2
		1970-х	180	83,33 ± 2,77	16,67 ± 2,77 ¹	3,8
		2000-х	306	86,59 ± 1,95	13,41 ± 1,95 ¹	4,8
Теленгиты	3. Кош-агачская	1940-х	19	68,42 ± 10,66	31,58 ± 10,66	1,8
		1970-х	55	70,0 ± 6,17	30,0 ± 6,17	1,9
		2000-х	78	84,61 ± 4,08	15,39 ± 4,08 ⁴	4,1
	4. Улаганская	1940-х	50	78,0 ± 5,86	22,0 ± 5,86	2,8
		1970-х	168	72,02 ± 3,46	27,98 ± 3,46	2,1
		2000-х	283	61,13 ± 2,72	29,87 ± 2,72 ³	1,9

*По данным похозяйственных книг.

**По данным отделов ЗАГС.

тели частоты однонациональных и межэтнических браков для алтай-кижи с. Кулада Онгудайского р-на близки к значениям, приведенным в исследовании А.Н. Кучер, В.Н. Тадиновой и В.П. Пузырева [2005].

Современный ареал теленгитов локализован в наиболее отдаленных от г. Горно-Алтайска – столичного центра Республики Алтай – Кош-Агачском и Улаганском р-нах. Сравнение структуры браков в локальных популяциях теленгитов было проведено на основе данных архивов районных отделов ЗАГС о заключении браков (табл. 2). Примечательно, что настоящим исследованием только в локальных популяциях теленгитов зафиксирована разнонаправленная временная динамика структуры браков. У теленгитов Улаганского р-на в ряду поколений (1940-х, 1970-х, 2000-х гг.) выявлено небольшое нарастание частоты межэтнических браков до 29,9 %, а у теленгитов Кош-Агачского р-на, наоборот, снижение – с 31,9 до 15,4 %. Значимый уровень различия частоты межэтнических браков в исследованных локальных популяциях установлен в поколении 2000-х гг.: $T = 2,94$; $p < 0,01$. Причина выявленных различий определяется, возможно, этнодемографической структурой регионального сообщества. В народонаселении Улаганского р-на представлены теленгиты, алтай-кижи и русские. Суммарная доля алтайцев (алтай-кижи и теленгитов) достигает 73,5 %, русские составляют 20,2 %. В структуре населения Кош-Агачского р-на удельный вес казахов 54,8 %, алтайцев – 42, русских – 2 %. [Макошева, Макошев, Апенышева, 2006, с. 21].

Процессы межэтнического смешения были исследованы и в локальных популяциях хакасов. В настоящее время хакасы компактно проживают в трех из восьми районов Республики Хакасии – Аскизском, Таштыпском и Ширинском. Еще в двух районах – Алтайском и Орджоникидзевском – имеются населенные пункты, в которых хакасы составляют большинство или около половины населения. В составе хакасов сагайцы компактно проживают в южной части республики, в Аскизском и Таштыпском р-нах, качинцы и кызыльцы – в восточных Орджоникидзевском и Ширинском р-нах, койбалы – в Бейском р-не.

Источником информации для проведения сравнительного анализа брачной структуры сагайцев послужили данные архивов районных отделов ЗАГС о заключении браков (табл. 3). Частота однонациональных браков во всех трех поколениях (1940-х, 1970-х, 2000-х гг.) у сагайцев Аскизского р-на выше, чем у сагайцев Таштыпского р-на: 1940-е гг. – $T = 3,93$; $p < 0,001$; 1970-е гг. – $T = 2,56$; $p < 0,05$; 2000-е гг. – $T = 6,06$; $p < 0,001$. Различия в уровне метисации обусловлены, по-видимому, тем, что в Аскизском р-не концентрация коренного населения почти в 3 раза выше, чем в Таштыпском (31,6 и 11,9 % соответственно). Таким образом, особенности брачной структуры и интенсивность процессов межэтнического смешения таштыпских сагайцев определяются относительно небольшой численностью и смешанным составом коренного населения (сагайцы, качинцы, абаканские

Таблица 3. Структура браков и интенсивность метисации в локальных популяциях этнолокальных групп хакасов – сагайцев* и качинцев**

Этнолокальная группа	Локальная популяция	Поколение	Число браков	Браки, %		t, 50 %
				моноэтнические	межэтнические	
Сагайцы	1. Аскизская	1940-х	462	80,50 ± 1,84	19,50 ± 1,84 ²	3,2
		1970-х	504	72,02 ± 1,99	27,98 ± 1,99 ²	2,1
		2000-х	716	74,02 ± 1,64	25,98 ± 1,64 ²	2,3
	2. Таштыпская	1940-х	66	56,06 ± 6,11	43,94 ± 6,11 ¹	1,2
		1970-х	344	63,66 ± 2,59	36,37 ± 2,59 ¹	1,5
		2000-х	253	52,57 ± 3,14	47,43 ± 3,14 ¹	1,1
	3. Бейская	1940-х	162	79,01 ± 3,20	20,99 ± 3,20	2,9
		1970-х	129	72,09 ± 3,94	27,91 ± 3,94	2,1
		2000-х	78	56,41 ± 5,61	43,59 ± 5,61	1,2
Качинцы	4. Орджоникидзевская	1940-х	50	82,0 ± 6,35	28,0 ± 6,35	2,1
		1970-х	220	65,45 ± 3,20	34,54 ± 3,20	1,6
		2000-х	130	61,54 ± 4,27	38,56 ± 4,27	1,4
	5. Ширинская	1940-х	80	87,50 ± 4,67	22,50 ± 4,67	2,7
		1970-х	176	71,59 ± 3,40	28,41 ± 3,40	2,1
		2000-х	101	62,38 ± 4,82	37,6 ± 4,82	1,5

*По данным отделов ЗАГС.

**По данным похозяйственных книг.

шорцы) на фоне численного преобладания пришлого, в основном русского, населения.

При тотальном изучении архивов Куйбышевской с/а Бейского р-на, Новомарьясовской с/а Орджоникидзевского р-на и Спиринской с/а Ширинского р-на Республики Хакасии были скопированы 5 338 записей (1 896, 2 086 и 1 356 соответственно), содержащих сведения о качинцах и членах их семей. Статистически значимые различия в структуре браков локальных популяций качинцев за исследованный период (1940–2009 гг.) не выявлены. Тем не менее при сопоставлении полученных оценок частоты однонациональных, смешанных браков и показателя метисации в трех локальных популяциях качинцев – бейской, орджоникидзевской и ширинской – были прослежены некоторые различия. У качинцев поколения 2000-х гг. наиболее высокая частота межэтнических браков отмечена в Бейском р-не, а в поколении 1970-х гг. – в Орджоникидзевском. У качинцев в Ширинском р-не за весь исследованный интервал частота однонациональных браков несколько выше, чем в Бейском и Орджоникидзевском.

Современный ареал шорцев захватывает юг Кемеровской обл. – территории Таштагольского, Новокузнецкого и Междуреченского р-нов. Согласно «Переч-

ню мест компактного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» [Распоряжение...], абаканские шорцы компактно проживают на территориях Балыксинской с/а, Бискамжинской п/а Аскизского р-на, Анчульской и Матурской с/а Таштыпского р-на Республики Хакасии. Однако, как показал анализ генеалогических карт шорцев, проживающих на территориях Балыксинской с/а и Бискамжинской п/а Аскизского р-на, более 60 % опрошенных являются переселенцами в первом – третьем поколении с территории Кемеровской обл. На основании полученных данных было сделано заключение, что исследование шорского населения данных территорий в контексте анализа брачной структуры абаканских шорцев не представляется целесообразным.

При подготовке данной работы при тотальном изучении архивов Усть-Анзасского, Кызыл-Шорского, Усть-Кабырзинского территориальных управлений (ТУ) Таштагольского р-на Кемеровской обл. и Матурской с/а Таштыпского р-на Республики Хакасии были скопированы 8 033 записи (3 147, 1 699, 2 520 и 667 соответственно), содержащие сведения о шорских семьях. Во все периоды (1940-е, 1970-е, 2000-е гг.) в локальных субпопуляциях шорцев горно-таежной

Таблица 4. Структура браков и интенсивность метисации в локальных популяциях этнолокальных групп шорцев горно-таежной зоны и абаканских*

Шорцы	Локальная популяция	Поколение	Число браков	Браки, %		t, 50 %
				моноэтнические	межэтнические	
Горно-таежной зоны	1. Усть-анзасская	1940-х	234	97,01 ± 1,11	2,99 ± 1,11 ^{2, 3, 4}	22,8
		1970-х	148	94,59 ± 1,86	5,41 ± 1,86 ^{2, 3, 4}	12,5
		2000-х	41	92,68 ± 4,06	7,32 ± 4,06 ^{2, 3, 4}	9,1
	2. Кызыл-шорская	1940-х	42	85,71 ± 5,40	14,29 ± 5,40 ¹	4,5
		1970-х	88	78,41 ± 4,39	21,59 ± 4,39 ¹	2,8
		2000-х	48	70,83 ± 6,56	29,17 ± 6,56 ^{1, 4}	2,0
	3. Усть-кабырзинская	1940-х	102	87,25 ± 3,30	12,75 ± 3,30 ¹	5,1
		1970-х	74	78,38 ± 4,78	21,62 ± 4,78 ¹	2,8
		2000-х	69	68,12 ± 5,61	31,82 ± 5,61 ^{1, 4}	1,8
Абаканские	4. Матурская	1940-х	55	76,36 ± 5,73	23,64 ± 5,73 ¹	2,57
		1970-х	37	72,97 ± 7,30	27,03 ± 7,30 ¹	2,20
		2000-х	34	47,06 ± 8,56	52,94 ± 8,56 ^{1, 2, 3}	0,92

*По данным похозяйственных книг.

зоны Кемеровской обл., в отличие от шорцев абаканских, преобладают однонациональные браки (табл. 4). Однако анализ динамики таких браков показал устойчивое снижение их частоты в ряду поколений.

Наиболее высокая частота однонациональных браков выявлена у шорцев населенных пунктов Усть-Анзасского ТУ, которые расположены в 120 км от районного центра г. Таштагола, в горной-таежной зоне. Центральные поселки Усть-Кабырзинского и Кызыл-Шорского ТУ находятся на более близком расстоянии (65 и 32 км соответственно) от районного центра. Относительная изоляция шорцев Усть-Анзасского территориального управления, по-видимому, обуславливает более низкую частоту межэтнических браков в их среде, по сравнению с группами кызыл-шорских, усть-кабырзинских и матурских абаканских шорцев: 1940-е гг. – $T = 2,04$; $p < 0,05$; $T = 2,80$; $p < 0,01$ и $T = 3,54$; $p < 0,001$; 1970-е гг. – $T = 3,40$; $p < 0,001$; $T = 3,16$; $p < 0,01$ и $T = 2,87$; $p < 0,01$; 2000-е гг. – $T = 2,83$; $p < 0,01$; $T = 3,54$; $p < 0,001$ и $T = 4,81$; $p < 0,001$. Что касается абаканских шорцев, то высокий уровень межэтнических браков среди них можно объяснить небольшой численностью группы в Республике Хакасии (1 150 чел., или 0,22 % населения республики) и плотным иноэтническим окружением с преобладанием хакасов.

На основе анализа показателя метисации на современном этапе наиболее высокие его значения выявлены у северных алтайцев (см. табл. 1). Менее чем через поколение (через 15 лет) 50 % солтонских ку-

мандинцев и ыныргинских тубаларов будут нести в своем геноме «чужие» гены ($t = 0,50$). Близкие значения интенсивности метисации получены для матурских абаканских шорцев ($t = 0,92$; 27,6 года) (см. табл. 4). Следующие в этом ряду – таштыпские сагайцы ($t = 1,1$; 33 года) и бейские качинцы ($t = 1,2$; 36 лет; см. табл. 3). Что касается популяций алтайцев, то протекающие в их среде процессы метисации менее активны. Наиболее высокий показатель метисации на современном этапе у теленгитов Улаганского р-на ($t = 1,9$; 57 лет; см. табл. 2), хотя он почти в 2 раза ниже, чем у других исследованных локальных популяций коренных народов Саяно-Алтая.

Межэтнические различия структуры браков и интенсивности метисации

Анализ структуры браков и особенностей межэтнического смешения коренных народов Северного Алтая на протяжении трех поколений (1940-х, 1970-х, 2000-х гг.) показал, что у кумандинцев, тубаларов и челканцев частота однонациональных браков невысока (табл. 5), а в структуре межнациональных браков преобладают браки с пришлыми народами (тип 1). Крайне низкий уровень однонациональных браков отмечен у кумандинцев, для которых характерны интенсивные и глубокие во времени процессы метисации за счет браков с пришлым русскоязычным населением.

Таблица 5. Динамика показателей структуры браков в популяциях алтайцев, теленгитов, кумандинцев, тубаларов, челканцев, хакасов и шорцев*

Народ/этно-локаль- ная группа	Поколение	Браки, %**			А', %
		моноэтнические	межэтнические		
			тип 1	тип 2	
Кумандинцы, N = 175	1940-х гг.	23,81 ± 5,37	57,14 ± 6,23	19,05 ± 4,95	41,08
	1970-х гг.	22,78 ± 4,62	61,04 ± 5,56	18,18 ± 4,40	36,08
	2000-х гг.	0	74,29 ± 7,39	25,71 ± 7,39	0
Тубалары, N = 145	1940-х гг.	28,00 ± 8,98 ³	40,00 ± 9,80	32,00 ± 9,34	49,78
	1970-х гг.	50,00 ± 6,80 ³	29,63 ± 6,21 ³	20,37 ± 5,48	65,72
	2000-х гг.	29,23 ± 5,64 ²	49,23 ± 6,20 ²	21,54 ± 5,10	53,98
Челканцы, N = 95	1940-х гг.	42,86 ± 10,80 ³	33,33 ± 10,29 ³	23,81 ± 9,24	69,10
	1970-х гг.	30,95 ± 7,13 ¹	45,24 ± 7,68	23,81 ± 6,57	56,39
	2000-х гг.	15,63 ± 6,42 ¹	65,62 ± 8,40 ¹	18,75 ± 6,90	29,22
Алтай-кижи, N = 1544	1940-х гг.	64,89 ± 4,92 ³	31,92 ± 4,81 ^{2, 3}	3,19 ± 1,81 ²	79,88
	1970-х гг.	68,42 ± 2,67 ³	18,42 ± 2,22 ¹	13,16 ± 1,94 ^{1, 3}	85,22
	2000-х гг.	79,32 ± 1,20 ^{1, 2}	14,75 ± 1,05 ¹	5,93 ± 0,69 ²	87,36
Теленгиты, N = 672	1940-х гг.	75,36 ± 5,19	21,74 ± 4,97 ³	2,90 ± 2,02 ^{2, 3}	89,49
	1970-х гг.	66,96 ± 3,10 ³	14,35 ± 2,31	18,69 ± 2,57 ¹	83,38
	2000-х гг.	74,80 ± 2,25 ²	10,46 ± 1,58 ¹	14,74 ± 1,83 ¹	86,30
Качинцы, N = 309	1940-х гг.	55,14 ± 4,81 ^{2, 3}	18,69 ± 3,77 ²	26,17 ± 4,25 ³	75,11
	1970-х гг.	27,43 ± 3,37 ^{1, 3}	37,14 ± 3,65 ¹	35,43 ± 3,62 ³	44,21
	2000-х гг.	7,41 ± 5,04 ^{1, 2}	33,33 ± 9,07	59,56 ± 9,46 ^{1, 2}	31,00
Койбалы, N = 128	1940-х гг.	27,29 ± 8,30	17,24 ± 7,01	55,17 ± 9,23	56,95
	1970-х гг.	19,04 ± 4,28	14,29 ± 3,81	66,67 ± 5,14	34,70
	2000-х гг.	13,33 ± 8,78	6,67 ± 6,44	80,00 ± 10,33	8,28
Кызыльцы, N = 77	1940-х гг.	23,08 ± 8,26	38,46 ± 9,54	38,46 ± 9,54	39,75
	1970-х гг.	9,68 ± 5,31	35,48 ± 8,59	54,84 ± 8,94	27,12
	2000-х гг.	10,00 ± 6,71	55,00 ± 11,12	35,00 ± 10,67	10,30
Сагайцы, N = 2821	1940-х гг.	79,84 ± 1,60 ^{2, 3}	14,45 ± 1,40 ^{2, 3}	5,71 ± 0,92 ²	89,67
	1970-х гг.	62,99 ± 1,44 ^{1, 3}	25,09 ± 1,29 ¹	11,92 ± 0,97 ^{1, 3}	77,10
	2000-х гг.	67,48 ± 1,43 ^{1, 2}	28,02 ± 1,37 ¹	4,50 ± 0,63 ²	81,54
Шорцы абаканские, N = 90	1940-х гг.	10,00 ± 9,49 ²	30,00 ± 14,49	60,00 ± 15,49	24,87
	1970-х гг.	41,67 ± 7,12 ¹	22,92 ± 6,07	35,41 ± 6,90	68,85
	2000-х гг.	25,00 ± 7,65	34,37 ± 8,40	40,63 ± 8,68	46,89
Шорцы горно-таежной зоны, N = 392	1940-х гг.	71,43 ± 5,69 ³	23,81 ± 5,37 ³	4,76 ± 2,68	91,72
	1970-х гг.	64,74 ± 3,47 ³	28,95 ± 3,29 ³	6,31 ± 1,76	81,73
	2000-х гг.	48,20 ± 4,24 ^{1, 2}	48,20 ± 4,24 ^{1, 2}	3,60 ± 1,58	65,86

*По данным отделов ЗАГС.

**N – общее число браков.

ем. В популяции челканцев частота однонациональных браков за изученный период снизилась почти в 3 раза (с 42,86 % в 1940-е гг. до 15,63 % в 2000-е гг., $p < 0,05$). Межэтнические браки (тип 1) к 2000-м гг. достигают высокого уровня (65,62 %, $p < 0,05$), а частота межэтнических браков типа 2 варьирует в поколениях в пределах 18–24 %. У тубаларов в настоящее время отмечена наиболее высокая частота однонациональных браков среди коренных народов Северного Алтая, но и она не превышает 30 %. Межэтнические браки (тип 1) составляют почти половину в общей структуре браков у тубаларов, а браки типа 2 сопоставимы по распространенности с таковыми у кумандинцев и челканцев.

У алтай-кижи и теленгитов в ряду поколений 1940-х, 1970-х, 2000-х гг. отмечен статистически значимый рост однонациональных браков ($p < 0,05$; табл. 5). В структуре межэтнических браков у этих народов преобладают браки с пришлым населением (тип 1). Однако их частота у поколения 2000-х гг. статистически значимо ниже ($p < 0,05$), чем у поколения 1940-х гг., и сегодня у обоих народов не превышает 15 %. Межэтнические браки с представителями других автохтонных народов региона (тип 2) у алтай-кижи и теленгитов в 1940-е гг. регистрировались с очень небольшой частотой (ок. 3 %); в 1970-е гг. они получили большее распространение (10–15 %), а в 2000-е гг. их частота вновь уменьшилась. Тем не менее в настоящее время у теленгитов браки данного типа встречаются почти в 2,5 раза чаще, по сравнению с алтай-кижи.

Среди этнолокальных групп хакасов – качинцев, койбалов, кызыльцев, сагайцев – высокий уровень однонациональных браков в настоящее время отмечен только в популяции сагайцев (67,48 %; табл. 5). Различия в структуре сагайских браков при сравнении поколений 1940-х, 1970-х и 2000-х гг. статистически значимы ($p < 0,05$). Среди межэтнических браков у сагайцев лидируют браки с пришлым населением Республики Хакасии (28,02 %). Частота браков с представителями других этнолокальных групп хакасов невысока и не достигает 5 %. Антропонимикон (фонд фамилий) современных сагайцев включает более 70 % фамилий, восходящих к бельтырским и бирюсинским родам [Лавряшина, 2012, с. 38].

Остальные этнолокальные группы хакасов характеризуются очень высокой степенью метисации, но при этом находятся на разных стадиях процесса ассимиляции пришлыми народами (табл. 5). Наиболее глубоки и интенсивны процессы метисации у койбалов и кызыльцев. Однако если у койбалов основная доля межэтнических браков приходится на браки с другими этнолокальными группами хакасов, то у кызыльцев значительная доля (55,0 %) принадлежит бракам с пришлым населением Хакасии.

У качинцев в поколении 1940-х гг. частота однонациональных браков относительно высока (55,14 %), но в поколении 2000-х гг. она не достигает даже 10 % в общей структуре браков. У этой группы почти 60 % составляют браки с представителями других этнолокальных групп хакасов (тип 2) и более 30 % – с пришлым (в основном русским) населением (тип 1). Выявленные различия в частоте одно- и межэтнических браков у качинцев в ряду поколений носят статистически значимый характер ($p < 0,05$).

У шорцев также отмечены статистически значимые различия ($p < 0,05$) частоты однонациональных и межэтнических браков в трех изученных поколениях (1940-х, 1970-х, 2000-х гг.). Как и следовало ожидать, у абаканских шорцев очень высокий уровень межэтнического смешения как за счет браков с пришлым населением (тип 1), частота которых в исследованный период колеблется в пределах 20–30 %, так и за счет межэтнического смешения с хакасами (тип 2).

Среди шорцев горно-таежной зоны Кемеровской обл. частота однонациональных браков в ряду поколений 1940-х, 1970-х, 2000-х гг. неуклонно падает, но в поколении 2000-х гг. остается относительно высокой (48,20 %), по сравнению с другими этническими сообществами Саяно-Алтайского региона. О значительном росте межнациональных браков у шорцев, который приходится на начало 1970-х гг., сообщает Г.М. Патрушева [1996]. Из межэтнических браков большее распространение получили браки с пришлым населением (тип 1). Частота браков с иными коренными народами Саяно-Алтая (тип 2) не превышает 7 %. Такая структура межэтнических браков шорцев горно-таежной зоны Кемеровской обл. объясняется тем, что основное окружение группы составляют пришлые народы.

Анализ значений индекса этнической брачной ассортативности (A') показал, что этническая принадлежность оказывает влияние на брачные предпочтения алтай-кижи, теленгитов и хакасов-сагайцев (табл. 5). Во все исследованные интервалы (1940-е, 1970-е, 2000-е гг.) они заключали преимущественно эндогамные браки. У хакасов-койбалов и кызыльцев величина A' среди исследованных автохтонных народов Саяно-Алтая минимальна (табл. 5), в популяции кумандинцев поколения 2000-х гг. не выявлено ни одного однонационального брака. Самые высокие значения A' с тенденцией к росту в ряду поколений отмечены у хакасов-сагайцев, теленгитов и алтай-кижи. У шорцев горно-таежной зоны Кемеровской обл., абаканских шорцев и тубаларов этническая брачная ассортативность, несмотря на существенное снижение, у поколения 2000-х гг. остается относительно высокой. Что касается кумандинцев, хакасов-койбалов и кызыльцев, то исследованиями

структуры их браков за 1940–2009 гг. зафиксирован процесс метисации, имеющий тенденцию к нарастанию интенсивности.

Выводы

Проведенное исследование территориальных и межэтнических различий в структуре браков коренных народов Саяно-Алтая выявило разную степень гомогенности. Процессы межэтнического смешения наблюдаются во всех изученных сообществах; их интенсивность определяется совокупностью факторов (исторических, административно-политических, социокультурных и проч.). Наиболее глубокие процессы метисации отмечены у коренных народов Северного Алтая и Хакасии. Для кумандинцев и хакасов исторически характерна распространенность межэтнических браков. Так, уже в начале XX в. А.И. Ярхо отмечал сильную смешанность кумандинцев с пришлым русским населением [1947]. По данным хозяйственных книг 1930–1970 гг. сельских советов Северного Алтая, в среде коренного населения неуклонно увеличивалось число смешанных браков; порой они составляли более 50 % от общего числа браков [Николаев, 2012, с. 74–75]. Анализ официальной демографической статистики Красноярского края первой половины XX в. позволяет оценить частоту межнациональных браков у городских (24,7 %) и сельских (12,2 %) хакасов и констатировать, что в 1920–1940-е гг. она в 2 раза превышала общесоюзные показатели [Баранцева, 2008, с. 20].

Изучение этнической специфики структуры браков у коренных народов Саяно-Алтая выявило практически во всех исследованных сообществах, за исключением южных алтайцев и хакасов-сагайцев, снижение частоты однонациональных браков при росте межэтнических браков. Это свидетельствует о нарастании процессов метисации автохтонного населения и находит отражение в динамике показателей интенсивности метисации и этнической брачной ассортативности. Усиление темпов межэтнического смешения в 1940–2009 гг. отмечено у большинства коренных народов Саяно-Алтая. Подобные процессы определяют качественные характеристики человеческого потенциала региона и формируют тенденции в развитии этнодемографической ситуации на ближайшее будущее.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю признательность руководителям и специалистам районных отделов и областных управлений, краевых и республиканских комитетов ЗАГС, а также руководителям и специалистам районных, област-

ных, краевых и республиканских администраций за неоценимую помощь в организации и проведении исследования в Красногорском и Солтонском р-нах Алтайского края, Аскизском, Бейском, Орджоникидзевском, Таштыпском и Ширинском р-нах Республики Хакасии, Кош-Агачском, Онгудайском, Турочакском, Улаганском и Чойском р-нах Республики Алтай, Таштагольском р-не Кемеровской обл.

Список литературы

Абанина Т.А. Популяционная структура лесных ненцев, демографические характеристики, структура браков, миграция, анализ смешения // *Генетика*. – 1982. – Т. 18, № 11. – С. 1884–1893.

Баранцева Н.А. Состояние, динамика и устойчивость этнически однородных и смешанных браков в Хакасии в 1920–1940-е гг. // *Изв. Алт. гос. ун-та. История*. – 2008. – № 4/5 (60). – С. 19–27.

Боева С.Б., Зубри Г.Л., Мурашко О.А. Популяционно-демографическое обследование коренного населения нижнего Вилюя (история, структура брачных отношений, инбридинг) // *Вопр. антропологии*. – 1981. – Т. 68. – С. 77–88.

Волжанина Е.А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX – начале XXI века. – Новосибирск: Наука, 2010. – 312 с.

Всероссийская перепись населения 2002 г. [Электронный ресурс]. – URL: www.perepis2002.ru/searchresult.html (дата обращения: 29.09.2008).

Гольцова Т.В., Абанина Т.В. Динамика популяционной структуры коренных жителей Таймыра – нганасан: брачная миграция, инбридинг // *Генетика и патология человека* / ред. В.П. Пузырев. – Томск: STT, 2000. – С. 31–38.

Еремينا Е.Р., Кучер А.Н. Динамика структуры браков в сельских популяциях Республики Бурятия: национальный состав // *Бюл. Вост.-Сиб. научн. центра СО РАН*. – 2010. – № 3. – С. 383–387.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php (дата обращения: 28.09.2012).

Казаченко Б.Н. Генетико-демографический подход в антропологических исследованиях, половозрастная и семейная структура хакасов // *Вопр. антропологии*. – 1986. – Вып. 76. – С. 78–91.

Кривоногов В.П. Этнические процессы у малочисленных народов Средней Сибири. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1998. – 320 с.

Курбатова О.Л., Победоносцева Е.Ю. Генетико-демографические процессы в многонациональных популяциях // *Успехи современной генетики*. – М.: Наука, 1996. – С. 38–61.

Кучер А.Н., Максимова Н.Р., Ноговицына А.Н., Сухомясова А.Л. Генетико-демографическое описание сельского населения Усть-Алданского улуса Республики Саха (Якутия): миграционные процессы, брачная структура // *Генетика*. – 2004. – Т. 40, № 5. – С. 685–690.

Кучер А.Н., Тадинова В.Н., Пузырев В.П. Генетико-демографическая характеристика сельских популяций Республики Алтай: динамика брачной структуры // *Генетика*. – 2005. – Т. 41, № 2. – С. 261–268.

Лавряшина М.Б. Комплексное исследование динамики демографических процессов и структуры генофонда коренных народов Южной Сибири: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. – М., 2012. – 50 с.

Макошева А.А., Макошев А.П., Апенышева И.Н. Население Республики Алтай (системно-структурный анализ). – Горно-Алтайск: Юч-Сюмер – Белуха, 2006. – 76 с.

Москаленко С.В. Динамика численности и демографические предпосылки консолидации тюрков Южной Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Этнос Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее. – Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей, 2004. – Ч. 1. – С. 121–130.

Николаев В.В. Этнодемографическое развитие коренного населения предгорий Северного Алтая (XIX – начало XX века). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 312 с.

Октябрьская И.В., Соболева С.В., Лавряшина М.Б., Ульянова М.В. Системная оценка современной этносоциальной ситуации на Северном Алтае в связи с проблемой коренных малочисленных народов (по материалам исследований в Турочакском и Чойском районах Республики Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1. – С. 102–115.

Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). – СПб., 1911. – Т. II: Тобольская, Томская и Енисейская губ. – 431 с.

Патрушева Г.М. Шорцы сегодня. Современные этнические процессы. – Новосибирск: Наука, 1996. – 224 с.

Распоряжение Правительства РФ от 8 мая 2009 г. № 631-р. – URL: правительство.рф/gov/results/17138

Ульянова М.В. Динамика популяционно-генетической структуры шорцев Южной Сибири: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Томск, 2010. – 23 с.

Ярхо А.И. Алтае-Саянские тюрки. Антропологический очерк. – Абакан: Хакоблнациздат, 1947. – 148 с.

Cavalli-Sforza L.L., Bodmer W.F. The genetics of human populations. – San Francisco: Freeman and Co., 1971. – 965 p.

*Материал поступил в редколлегию 21.09.12 г.,
в окончательном варианте – 01.10.12 г.*